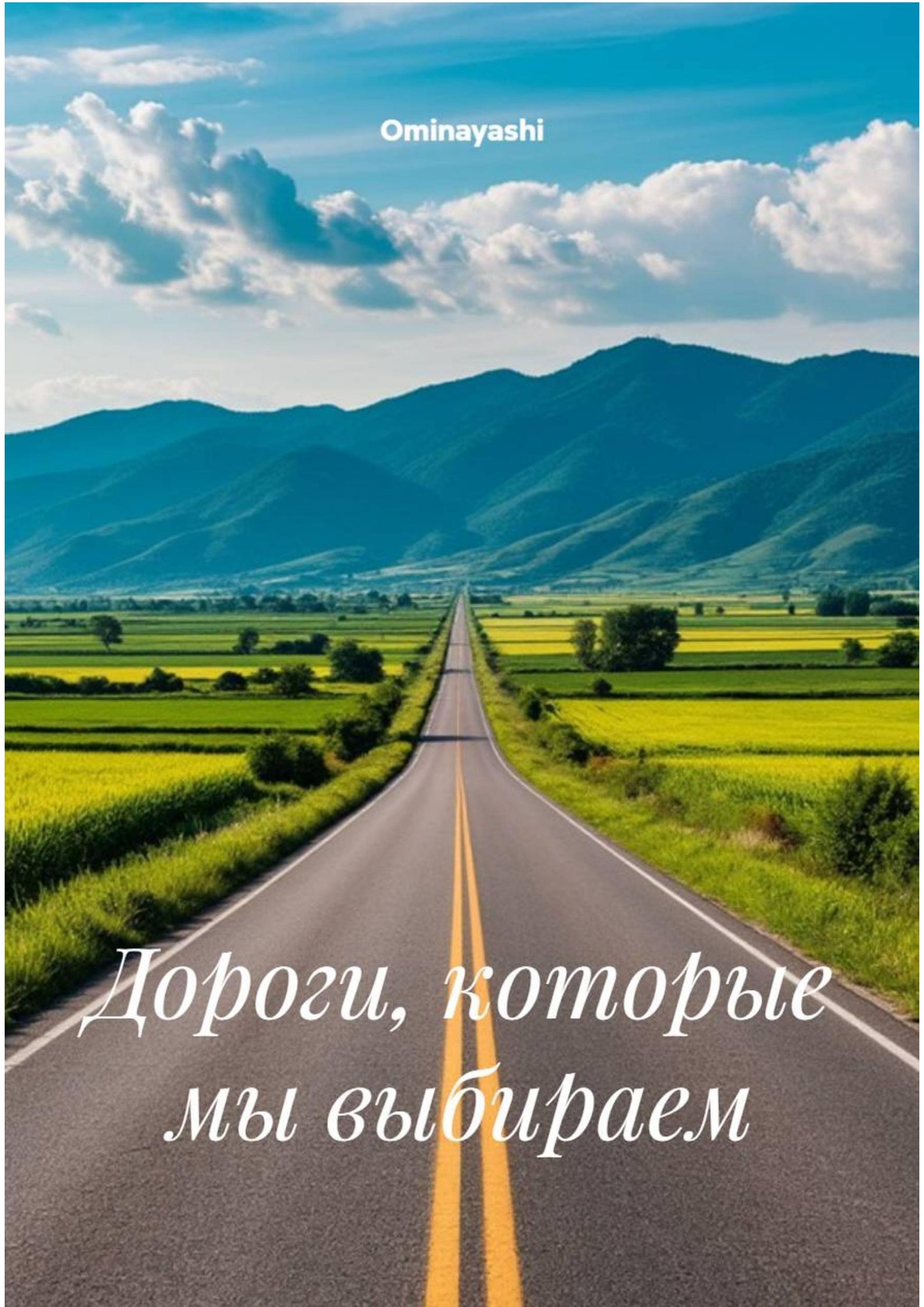

Ominayashi

*Дороги, которые
мы выбираем*

Ominayashi

Дороги, которые мы выбираем

«Автор»

2026

Ominayashi

Дороги, которые мы выбираем / Ominayashi — «Автор», 2026

В калифорнийском городке Чарминг, где асфальт плавится от солнца, а вдоль шоссе 99 растут миндальные рощи, живёт байкерский клуб «Сыны Энтуза» — старый, как сам город, и такой же привычный. Джекс Теллер, двадцати девяти лет, новый президент клуба, хочет одного: чтобы «Сыны» перестали возить контрабанду и отмывать деньги через автосервис и стали тем, чем можно гордиться, — клубом, а не темой шёпота в очереди в супермаркете. Он ещё не знает, что в тот самый вечер у обочины окружной дороги, рядом с ржавым «Фордом Пинто», стоит девушка по имени Венди — рыжая, дерзкая и с синяком, о происхождении которого не стоит спрашивать дважды. Некоторые встречи не обдумываются — они просто случаются, и ты стоишь посреди дороги, по которой ехал совсем в другую сторону, и понимаешь: приехал. Это история о выборе — между унаследованной дорогой и своей собственной, между брошкой на груди и простым словом «легально», и о том, что цена такого выбора редко ограничивается одним человеком.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Дороги, которые мы выбираем

Дороги, которые мы выбираем

Глава 1. Пыль на языке

Есть в Северной Калифорнии такое место, где дорога забывает, что она — дорога, и притворяется рекой. Асфальт размягчается на солнце, петляет между миндальных рощ, и если ехать достаточно медленно — а на байке медленнее как-то не получается, — можно заметить, как тени от веток ложатся на руки точно татуировки, которых у тебя ещё нет. Это если ехать с запада. А если с востока — то сначала будет мост через ирригационный канал, дощатый, с гнилыми перилами, и запах тёплой воды, в которой отражается небо цвета выцветшей джинсы.

Город Чарминг лежит в долине Сан-Хоакин, как кошка на подоконнике — лениво, вытянувшись вдоль шоссе 99, зажмурившись от солнца. Семь тысяч душ, две заправки, одна средняя школа, супермаркет «Далтон» и кафе «Лерой», где подают ужасный кофе и потрясающий яблочный пирог. По улице Мейн — фонарные столбы в виде кованых фонарей, потому что когда-то давно кто-то в городском совете решил, что Чарминг должен выглядеть «очаровательно», и город, в общем, смирился с этим решением, как смиряются с родственником, который на каждом семейном собрании говорит одно и то же.

А ещё в Чарминге есть байкерский клуб «Сыны Энтуза». Вернее, клуб был всегда — это в Чарминге как погода: просто есть, и всё. Но президент клуба — это уже конкретный человек, и человека зовут Джекс Теллер.

Джексу — двадцать девять. У него волосы цвета пшеницы, которую забыли убрать с поля, и глаза такие голубые, что небо над Чармингом, кажется, подстраивается под них, а не наоборот. На спине — татуировка: жнец в капюшоне держит кристалл шара, и из шара растёт дерево. Джекс сделал эту татуировку в семнадцать и до сих пор не уверен, что она значит, но чувствует, что значит — что-то важное.

В то утро, с которого, собственно, всё начинается, Джекс сидел на крыльце клуба — длинного одноэтажного здания на окраине, за которым начинается пустырь, а за пустырём — поле подсолнухов, — курил и думал о легальности.

Легальность — странное слово. Если произносить его медленно, оно звучит как название болезни: ле-галь-ность. Как будто что-то, что можно подхватить, а потом долго и мучительно лечиться. Джекс не хотел лечиться. Он хотел, чтобы клуб перестал возить контрабанду, перестаньте отмывать деньги через автосервис (который и так приносил бы неплохой доход, если бы им занимались всерьёз), и вообще — чтобы «Сыны» стали чем-то, чем можно гордиться, а не чем-то, о чём матери шепчутся в очереди в супермаркете.

— Ты опять витаешь, — сказал Клей, бывший президент, а ныне — пенсионер с тяжёлым взглядом и проблемами с коленями. Он сидел в тени, в плетёном кресле, которое притащил сюда откуда-то и никому не отдавал.

— Не витаю. Стратегию обдумываю.

— Стратегию он обдумывает. — Клей хмыкнул. — У нас склад, полный деталей, три клиента на этой неделе и один из них — миссис Гарольд, которая приехала менять масло в «Бьюике» 1998 года. Стратег, блин.

Джекс не ответил. Он смотрел, как подсолнухи за пустырём поворачивают головы к солнцу — медленно, неотвратно, — и думал, что если клуб — это поле, то он хочет, чтобы они все повернулись к свету, а не друг к другу, пытаясь отнять друг у друга то небольшое, что есть.

Впрочем, он ещё не знал, что к вечеру в его жизнь войдёт девушка по имени Венди, и всё обдумывание придётся отложить. Потому что некоторые вещи не обдумываются — они

просто случаются, и ты стоишь посреди дороги, по которой ехал совсем в другую сторону, и понимаешь, что приехал.

Глава 2. Та, что у обочины

Байк — это не транспорт. Байк — это способ разговаривать с дорогой, когда слова кончились. «Харли Дэвидсон Супер Глайд» Джекса знал каждую трещину на шоссе 99, каждый выбоину на мосту через канал, каждый поворот на Мейн-стрит. Джекс разговаривал с ним чаще, чем с людьми, и, если честно, эти разговоры были продуктивнее.

В тот вечер он ехал по Окружной — дороге, которая огибала Чарминг с юга и уходила к фермерским хозяйствам, где росли миндаль, гранаты и инжир. Солнце садилось, и небо над долиной Сан-Хоакин сделалось таким, будто кто-то разлил по нему сироп — малиновый, апельсиновый, и где-то у горизонта — ежевичный, густой. Воздух пах пылью и горячим асфальтом. Кузнечики в траве у обочины орали так, будто это был их последний вечер, — а может, и правда последний: октябрь в долине бывает обманчив, и к ноябрю ночи становятся холодными, как кафельный пол босиком.

Джекс не торопился. На Окружной он не торопился никогда — это была его дорога для думанья, как у человека есть чашка для кофе, и она всегда одна и та же, и из другой кофе почему-то не тот.

И вот — она.

У обочины, рядом с старым «Фордом Пинто» цвета ржавчины (а может, он был когда-то красным, но ржавчина имеет свойство захватывать), стояла девушка и била ногой по переднему колесу. Била зло, методично, как будто колесо было лично виновато во всех её бедах. Рядом на капоте сидел тощий кот цвета мокрого асфальта и наблюдал за этим с философским равнодушием.

Джекс сбросил скорость. Не потому, что собирался остановиться, — а потому что зрелище было настолько нелепое, что хотелось рассмотреть. Девушка — рыжие волосы, футболка с логотипом группы «The Breeders», джинсовая куртка, расстёгнутая, — обернулась на звук мотора, и Джекс увидел её лицо: скуластое, с веснушками, и синяком под правым глазом, который уже прошёл ту стадию, когда он фиолетовый, и перешёл в ту, когда он зеленовато-жёлтый, как весенняя листва в августе.

Синяк от чужого кулака. Джекс видел такие достаточно, чтобы отличать.

Он остановился. Заглушил мотор. Тишина рухнула, как занавес, и под ней оказался звук кузнечиков, далёкий лай и шорох ветра в миндальных деревьях.

— Машина сдохла? — спросил он.

Девушка посмотрела на него так, как смотрят на незнакомца на дороге: со смесью недоверия и расчёта. Она прикинула, сколько ему лет, насколько опасен и что ему нужно. Джекс видел, как она прикидывала. Он привык.

— Машина не сдохла. Машина издохла. Сдохла — это когда есть шанс. А когда генератор — бабушка, когда бензонасос — дедушка, а когда карбюратор — ну, ты понял.

— Понял.

— И что ты понял?

— Что тебе нужна помощь.

Она скрестила руки. Кот на капоте зевнул.

— Мне нужен новый генератор, новый бензонасос и новый карбюратор. А ещё — чтобы «Лос Лобос» перестали приходить ко мне каждый вторник и требовать три тысячи долларов, которые мой покойный папа должен их покойному президенту. А ты мне предлагаешь помощь.

Джекс вытащил сигарету. Закурил. Дым поднялся вертикально — ветра не было, и долина как будто задержала дыхание.

— «Лос Лобос»?

— Ты глухой?

— Я Джекс.

Она помолчала. Потом:

— Венди.

Имя упало между ними, как монета на стол, — и неизвестно было, кому она достанется.

Глава 3. Три тысячи долларов и покойный папа

В кафе «Лерой» вечером по вторникам пусто. Старик Лерой — здоровенный мексиканец с усами как руль велосипеда — протирает стойку и слушает радиостанцию, которая играет одну и ту же песню Дэвида Боуи раз в час. Яблочный пирог на витрине одиноко поджаривается под лампой, и кажется, что он — единственное живое существо в помещении, потому что Лерой давно уже не живой, а скорее часть мебели.

Джекс и Венди сидели в углу, у окна, за которым темнела Мейн-стрит. Фонарные столбы зажглись, и их свет лежал на асфальте жёлтыми кругами, как медали за выслугу лет.

Венди пила кофе. Не потому что хотела, а потому что нужно было занять руки. Она рассказывала, а руки всё время тянулись к синяку под глазом — не трогать, а проверить, на месте ли, как будто синяк был чем-то привычным, чем-то, без чего лицо было бы не её.

Отец Венди — Марк Брэндон, механик из Модесто — умер год назад. Рак — быстрый, жестокий, как осенний ливень в долине: небо было чистым, а потом — мокро, и всё. Перед смертью он признался дочери, что должен три тысячи долларов «Лос Лобос» — байкерскому клубу из Стоктона, который занимался тем, чем «Сыны Энтуза» занимались раньше и чем Джекс отчаянно хотел перестать заниматься. Марк взял в долг на ремонт мастерской, которая так и не открылась, потому что рак оказался быстрее бизнес-плана.

— И теперь они приходят, — говорила Венди, — каждый вторник. Два человека. Один маленький и молчаливый, второй большой и разговорчивый. Знаешь, какой хуже?

— Разговорчивый.

— Вот именно. Он объясняет. Каждый раз. Как будто я не поняла с первого, с пятого, с десятого раза. Что долг — это долг. Что папа — это папа, а долг — это долг, и одно из другого не следует, но одно за другое отвечают. И что если я не заплачу, то...

Она не договорила. Не потому что не могла, а потому что синяк под глазом договорил за неё.

Джекс смотрел на неё и думал, что есть в мире люди, которые притягивают неприятности, как мокрые ноги — пыль. Не потому что плохие или глупые, а потому что жизнь нанесла им именно такой маршрут: через минные поля, через лужи, через чужие кулаки. И самое несправедливое — что эти люди обычно красивые. Как будто мир заранее просит прощения.

— Три тысячи, — сказал он.

— Три тысячи.

— Когда следующий вторник?

— Через пять дней.

— Я поговорю с ними.

Венди посмотрела на него — прямо, без хитрости, — и Джекс увидел в её глазах то, что видел редко: не страх, не надежду, а что-то среднее. Приглушённое. Как радио между станциями.

— Ты не должен, — сказала она.

— Я знаю.

— «Лос Лобос» — это не ремонт «Бьюика» миссис Гарольд.

— Я знаю.

— Ты вообще понимаешь, что делаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.